

А.А. Гугнин,
Полоцкий государственный университет,
Беларусь

Похвальное слово библиографии

*Дорогому Евгению Александровичу,
овладевшему не только
мистической тайной библиографии,
но и многими другими тайнами
литературоведческой науки*

В популярной форме и на основе личного опыта объясняется суть и значение библиографии -- одного из важнейших разделов литературоведческой науки. Наглядно доказывается, почему и каким образом библиография сопровождает работу ученого от молодых лет и до самой старости. Статья может быть полезна как студентам, пишущим свои первые курсовые работы, так и доцентам (и профессорам), достойно завершающим свой путь в науке.

Ключевые слова: Библиография, отбор, самоограничение, выбор темы, самопознание, жизненное литературоведение.

Со школьных лет я, словно повинаясь бессознательному инстинкту, начал заниматься библиографией (еще не зная самого этого слова). По совету отца – Гугнина Александра Павловича (1 сентября 1912 – 1 февраля 1987) – я стал составлять списки прочитанных книг и уже через несколько лет убедился в полезности этой работы. Читал я очень много и беспорядочно и, просматривая время от времени свои списки, стал задумываться: почему читаю именно эти книги, а не другие – ведь книг на свете так много, что все их человек за свою короткую жизнь прочитать никак не сможет (редко мой месячный список достигал 15 -- 20 книг, чаще он оканчивался на 8 – 12). Следовательно, необходим отбор и самоограничение. Но как и на каких принципах определять этот отбор? Я быстро понял, что отбор зависит не только от того, что хочется, но и от того, что надо. А что надо? Кто это знает? Родители, учителя, знакомые? Да, и они тоже, но прежде всего, наверно, я это должен знать сам, ведь всё равно никто мою жизнь за меня самого не проживёт и не слепит, и рано или поздно придется принимать самостоятельные решения. Решения часто ищут в советах учителей, друзей и родителей, но при этом все советы и рекомендации необходимо

пропускать через себя, потому что в конечном итоге это наша собственная и единственная жизнь и то, что мы хотим в ней успеть сделать, всё равно зависит прежде всего от нас самих. Но что я хочу сделать в своей жизни? Это еще надо самому понять и узнать. А, значит, надо постоянно развиваться и развивать самого себя. Это я стал понимать еще в школе, но проблема самопознания оказалась не такой простой, ибо самопознание дается не только с помощью чтения различных книг, но и с помощью ежедневной жизненной практики. Что же при этом важнее – сама жизнь или знания о жизни, получаемые из книг? Честно говоря, я и до сих пор не могу ответить на этот вопрос без затруднений, и – если бы мне предложили показать это с помощью весов – я скорее всего установил бы на весах равновесие...

Уже обучаясь в университете, я столкнулся с библиографией в общераспространенном (филологическом) смысле слова. При написании курсовых работ и письменных рефератов московские профессора и доценты предлагали нам приводить в конце библиографию по теме (то есть то, что мы обнаружили во время работы) и список использованной литературы (то есть то, что мы реально прочитали и реально использовали в своей работе). Это занятие уже само по себе оказалось достаточно интересным, так как источников в московских библиотеках обнаруживалось много, но все их прочитать мы заведомо не успевали и требовался аналитический отбор наиболее важного и необходимого. То есть опять, но уже несколько по-иному, возникала та же проблема: почему ты выбираешь одни источники и игнорируешь другие? Почему ты уверен, что те источники, которые ты выбрал и прочитал, важнее, полезнее и лучше, чем те, которые ты проигнорировал? Зависит твой выбор от случайности, от удачи, от интуиции, от твоего ума, от твоего уровня знаний, от твоей лени или усердия -- или же еще от чего-то другого?.. Этот вопрос оказался для меня на студенческом этапе не таким простым и привел даже (в числе других, более непосредственно связанных с моей тогдашней жизнью причин) к серьезному жизненному кризису. На втором курсе (уже на романо-германском отделении, а до этого я успел поучиться на славянском и на русском отделениях) профессор Владимир Петрович Неустроев (1911 – 1986) предложил мне написать научную студенческую работу на тему “Проблема спинозизма в позднем творчестве Гёте”. Я (не слишком долго думая, хотя сейчас задним числом мне кажется, что какие-то интуитивные сомнения у меня тогда возникли) согласился и, уже зная, насколько необходим предварительный сбор и изучение библиографии, пошел для начала в Ленинскую

библиотеку (для этого у меня уже было разрешение), сравнительно легко разыскал в алфавитном каталоге ящик, на котором было написано “Гёте”, и начал его смотреть. До закрытия библиотеки я с большим интересом просмотрел первый ящик (примерно 500 карточек), выделил для себя то, что казалось интересным и, окрыленный успешным началом работы, пошел в общежитие. На следующий день я достал второй ящик (где было столько же карточек, сколько и в первом) и тоже стал его с интересом просматривать. Часа через два-три мне пришло в голову посмотреть – а сколько же всего этих ящиков? Их оказалось около пяти (то есть пятый был заполнен не полностью), и мой энтузиазм слегка увял. При этом в данных ящиках Гёте я не нашел ни одной работы о Спинозе, которого я тогда совершенно не знал (то есть знал, что был такой философ, но ни одного его текста не читал). Просматривая еще два дня оставшиеся ящика Гёте, я понял, что из двух тысяч работ о Гёте, которые я так легко обнаружил, для данной курсовой работы – при всём желании – смогу прочитать не более 50 (100), да и это под вопросом. Я стал тогда выбирать и переписывать себе в тетрадь (позднее я тоже завёл карточки и записывал источники сразу на карточки и с шифром библиотеки, чтобы хотя бы на этом сэкономить время). В процессе этой работы до меня дошло, что мне нужно не всё творчество Гёте, а только его позднее творчество. Я вздохнул с некоторым облегчением, но это облегчение оказалось призрачным, потому что через день или два я понял, что для выделения “позднего” творчества Гёте мне никак не обойтись без знания его “раннего” и “среднего” творчества (а, может быть, поскольку Гёте жил долго, тремя периодами не обойтись)... Я еще в школе прочитал “Фауста”, знал стихотворения и баллады Гёте, знал, конечно, и биографию, но ни о какой периодизации всерьез не думал. При осознании возрастающего объема необходимой работы мне стало слегка грустно, но я еще надеялся проблему одолеть. Несколько дней пропускал занятия в университете и с утра до вечера сидел в библиотеке. Стал думать, что я не философ и не собираюсь вроде бы быть философом, -- но как же я тогда буду писать о “спинозизме” в позднем творчестве Гёте? Стал искать ящик с библиографией Спинозы, выписал то, что нашел в переводах на русский, и погрузился в чтение “Этики”. Для меня тогда это оказалось практически непосильным чтением, гораздо более трудным, чем чтение Маркса, Энгельса и Ленина, к которым отец пытался приучить меня еще в школе. Я до семи лет жил в деревне и на хуторе, где всё было наглядно и конкретно, мышление абстрактными философскими категориями было абсолютно не востребовано, да и при обучении в школе наши

учителя всё подобное избегали. И как пристроить это моё мучительное чтение Спинозы к Гёте, в котором я чувствовал любовь к конкретному во всём, что я у него читал. Значит я многого просто ещё не читал?.. Постепенно я стал приходить в депрессивное состояние (занятия пропускаю, там тоже возникнут пробелы, но и освоение темы практически не продвигается, я не чувствую ещё даже всего объема необходимой работы, и постепенно мне становилось ясно, что подобную научную работу ни за неделю, ни за месяц сделать невозможно (для меня во всяком случае)... Пошел на консультацию к профессору в надежде получить у него толковый совет. Не буду излагать сейчас всё содержание нашей беседы, о которой я по-разному думал в последующие годы моей жизни, скажу только, что меня поразил оптимизм Владимира Петровича и запомнились его итоговые слова: “Саша, меня радует, что вы идёте логически правильным путем: для знания “позднего Гёте” необходимо знание всего его творчества, а для определения степени влияния “спинозизма” на позднее творчество Гёте” необходимо знание Спинозы, и вы совершенно верно выбрали “Этику” – я поздравляю вас с успешным началом работы: вы стоите на верном пути”! До сих у меня звучит в ушах эта похвала пожилого и уважаемого профессора, хотя после разговора с ним я интуитивно стал понимать, что работу о проблеме спинозизма в позднем творчестве Гёте я в ближайшие годы не напишу. К стыду моему я не написал эту работу и до сих пор, но на всю оставшуюся мне немалую жизнь понял, как важен уже сам выбор темы, ощущение ее посильности или непосильности для тебя сегодняшнего, и с тех пор стараюсь сам выбирать такие темы, которые мне не только интересны, но и представляются посильными...

Итак с библиографией почти всё ясно, но зачем же составлять собственную библиографию? Прежде всего из собственной внутренней потребности: когда общее число публикаций и переводов перевалило далеко за 300, я начал забывать, когда и где та или иная работа опубликована. В калейдоскопе разнообразных дел, которыми я занимался не только ради науки и истины, не только для исполнения постоянных служебных и общественных обязанностей, но и для того, чтобы прокормить и одеть семью из пяти человек и оплатить купленную в Москве четырехкомнатную кооперативную квартиру, а также для удовлетворения все разрастающейся страсти к книгам (слишком много рабочего времени отнимали поездки в библиотеки, ожидания заказанных книг, отсутствие их даже в крупнейших библиотеках -- по разным причинам: книги часто оказывались на реставрации, на переучете или у кого-то на

руках -- как раз тех книг, которые именно в этот день были крайне необходимы) – всё это привело к тому, что я с начала 1980-х годов, когда стал уже вполне прилично зарабатывать, предпочитал всеми возможными способами (в том числе и активно используя “черный рынок”) иметь все необходимые книги дома, а также журналы и газеты, в том числе и заграничные. Опубликованные статьи, рецензии, рефераты и обзоры становились для меня самого своего рода справочниками, которым я сам мог доверять, поскольку хорошо знал, с какой степенью добросовестности я все эти материалы подбирал и обрабатывал. В течение 10 – 15 лет я был внештатным референтом по литературе ГДР в журнале “Иностранная литература” (то есть обязан был каждый месяц делать обзоры книжных новинок, следить за театральной жизнью и вообще за всеми важнейшими событиями в сфере культуры); при всей трудоемкости эта работа тоже оказалась весьма полезной – волей-неволей я должен был ежемесячно прочитывать или хотя бы просматривать большое количество книг, журналов и газет, систематизировать и описывать прочитанное на 20-30 машинописных страницах и получать за это удовольствие 50 рублей ежемесячно. Подобная “черновая” ежемесячная работа послужила мне во многих отношениях: изучая планы и прочитывая почти все книги восточно-немецких издательств я пытался для себя определить наиболее перспективных авторов, выделить наиболее яркие произведения, и когда в 1977 г. две недели пробыл в Берлине на Первом международном семинаре переводчиков литературы ГДР, сразу же сумел “выйти” на наиболее заинтересовавших меня писателей (Криста Вольф, Хайнер Мюллер, Фолькер Браун, Франц Фюман, Карл Микель и др.) и сразу же установить с ними постоянные дружеские отношения. Это было нетрудно, поскольку я успел прочитать их книги (и на некоторые уже откликнулся рецензиями в журналах); мы сразу же начинали разговор об этих произведениях и о современной литературе в целом, и подобные разговоры (с Хайнером Мюллером или Фолькером Брауном) могли продолжаться сутками. В эту же поездку я успел познакомиться с некоторыми крупными критиками (Ева и Ганс Кауфманы) и представителями крупнейших издательств (спать было просто некогда)... В последующие годы мне оставалось только поддерживать завязанные отношения и развивать их дальше.

Таким образом, библиография собственных трудов отражает не только формальную (внешнюю) сторону (опубликованные рецензии, рефераты, обзоры, статьи, предисловия, комментарии, переводы, составленные книги и – как итоговый

результат этой большой предварительной работы – главы в академических трудах и учебниках и собственные книги о современных писателях и о современном литературном процессе), но и не менее важную (неформальную) сторону занятий литературой (особенно современной): по сути, занятия литературой постепенно сливаются с самой жизнью какой-то неизбежной и неразрывной внутренней связью, когда уже практически невозможно различить, где кончается научное осмысление литературного процесса и где начинается сама жизнь. Ведь литературный процесс – это и есть своеобразное *жизнетворчество*, немаловажная составная часть самой литературы. Позднее я обозначил подобное слияние литературного и жизненного процессов как “*жизненное литературоведение*”¹, которое, по моему глубокому убеждению, никак нельзя смешивать с “*безжизненным литературоведением*”, жонглирующим пустыми, ничего не приносящими в подлинную науку терминами (концепт, парадигма, тезаурус, архетип и десятки им подобных), ни на шаг не приближающими к пониманию произведения как неотъемлемой и ничем не заменимой формы *жизнетворчества*, а бессмысленно уводящими от этого *жизнетворчества* в (на первый взгляд) “*глубокомыслие*”, но, по сути, в обыкновенное и достаточно примитивное “*словоблудие*”. Подобное (внутреннее) вживание в литературный процесс, конечно, особенно плодотворно при занятиях современной литературой (не случайно “*Литературные портреты*” Сент-Бёва или “*Обзоры*” русской литературы В.Г. Белинского и сегодня зачастую прочитываются с большим интересом и пользой, чем бухгалтерские подсчеты в творчестве писателей концептов и тезаурусов, которые мелькают в современных диссертациях и монографиях), но подобным же образом вживаться можно и нужно и в литературу отдаленных эпох, где также был живой литературный процесс и литература также представляла собой ярчайшую форму *жизнетворчества*. Но для вживания в прошлые эпохи необходимо развивать историческое мышление (“*прошлое – в настоящем – из будущего*” – по формуле Александра Викторовича Михайлова, 1938 -- 1995).

За свою жизнь я составил (и опубликовал) десятки и десятки различных библиографий, и работа над каждой из них была по-своему увлекательной, а иногда

---

¹ Более конкретное представление о конкретном содержании понятия «*жизненное литературоведение*» дают мои предисловия «От автора» в книгах: *Гугнин А.А.* Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. – М., 1997. – С.3 – 10; *Он же.* Австрийская литература XX века: статьи, переводы, комментарии, библиография. Выпуск первый. Новополоцк – Москва, 2000. – С.3 – 6; *Он же.* Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте. – М., 2001. – С.3 – 4;

даже и остросюжетной. При внимательном составлении любой библиографии перед глазами проходят не только разнообразные пласты культуры, но выстраиваются и живые личности (ибо в культуре ничего не умирает) – знакомые и незнакомые; со знакомыми здороваешься и беседуешь, вспоминаешь, когда и где ты с ними впервые встретился и сколько раз наши дороги пересекались; с незнакомыми хочешь быстрее познакомиться, узнать их получше и понять, чего они стоят. А сколько неожиданных и сногшибательных встреч обнаруживаешь при библиографической работе! Да здравствует библиография, хранительница памяти, одна из неотъемлемых составляющих филологической науки!